

Ходасевич В. О Чехове // Возрождение (Париж). 1929. 1929.

15 июля. № 1504. С. 2–3.

О Чеховѣ

Итакъ, со дня смерти Чехова прошло двадцать пять лѣтъ.

Эта годовщина заставляетъ меня въ такіе дни, когда мысль (да признаться — и сердце) заняты другимъ именемъ, со-единить другимъ творческимъ и человѣческимъ образомъ.

Чеховъ — и Державинъ! Кажется, трудъ не даже нарочно выискать двухъ русскихъ писателей, двухъ людей, столь несхожихъ, столь чуждыхъ другъ другу, какъ эти два.

То что одинъ — поэтъ, а другой — прозаикъ, совсѣмъ не главное между ними различіе, не самое разительное. Въ другія гораздо разительнѣе.

Одинъ — здоровый, краксивый, долго-лѣтний. Другой — слабый, подслѣпыва-тый, вѣчно кашляющій, рано умершій.

За то въ творчествѣ мускулистаго Державина все — пареніе, порываніе, валеть:

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ глѣны міра отбѣлся.
Съ душой безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь.

Хворый Чеховъ не любитъ «необычайнаго»; онъ весь привыченъ, онъ совсѣмъ не хочетъ парить, а напротивъ, любовно и прочно привязанъ къ землѣ, ко всему про-стѣйшему, самому будничному; и въ без-смертіе души онъ, покуда живъ, не вѣритъ. Чеховская чашка не стремится въ высь, какъ державинскій лебедь: она стелется надъ водой и льнетъ къ берегу.

Державинъ — лирикъ, Чеховъ —

эпикъ. Но державинская лирика мужес-венна и все время стремится стать эпо-сею, въ то время, какъ эпоха Чехова — лириченъ и женственъ.

Державинъ — всегда въ кнѣзѣ, въ борбѣ, и чего только нѣтъ въ его жи-зни? Онъ нѣмнѣе падаетъ и выскоко воско-дитъ. Чеховъ отъ великаго шума отходитъ въ сторону, его жизнь — кабинетная, бю-графіа литераторская; онъ не совершаетъ ничего предосудительнаго, но и на под-вигъ врядъ ли способенъ: можетъ быть, по скромности.

Державинъ — воинъ, Чеховъ — врачъ; Державинъ несетъ мечъ и страданіе, Че-ховъ — примиреніе и облегченіе. Державинъ на своемъ вѣку шесть человѣкъ по-вѣсилъ, Чеховъ, должно быть, нѣсколь-кихъ вылѣчилъ.

Державинъ суровъ и строгъ, Чеховъ снисходителенъ. Державинъ упреки и сварливы, Чеховъ мягокъ, доброзате-ленъ. Державинъ гордъ и честолюбивъ откровенно, даже до дикости; о себѣ онъ смѣтается:

Единъ есть Богъ, единъ — Державинъ.

Чеховъ до той же крайности скромнѣе: Толстой со слезами на глазахъ расхвали-ваетъ его расказъ; Чеховъ краснѣетъ, молчитъ, протираетъ пенсисъ и наконецъ, говоритъ: «Тамъ — опечатки...» Державинъ не стыдился гонимся за орденами; единственный орденъ свой, званіе поч-етнаго академика, Чеховъ при первомъ удобномъ случаѣ возвращаетъ обратно.

Державинъ спорится съ тремя импера-

торами; онъ точенъ ногами на Екатори-ну и въ глаза обмываетъ грознаго Павла-такимъ словомъ, какого и напечатать нель-зя. Два императора, при которыхъ проте-кла творческая жизнь Чехова, врядъ ли даже и знала, что есть у нихъ такой под-данный: Антонъ Павловичъ Чеховъ, врачъ.

Державинъ — организаторъ, админист-раторъ, министр. Чеховъ — созерца-тель; самая даже мысль о дѣйствіи, тѣмъ болѣе о властвованіи ему безконечно чуж-да. Жизнь Державина протекаетъ среди «екатерининскихъ оравъ», порочныхъ, хитрыхъ, корыстныхъ, но заряженныхъ огромною государственной энергіей. Че-хову шумъ государственной машины не-сносенъ; ко небы управителями, бюро-кратами, властителями онъ стоитъ спи-ной; лицо его обращено къ безгласной, умной равнинѣ русской, и «лишніе» люди ему милѣе необходимыхъ.

Державинскій вѣкъ — громадный, побѣд-ный, зановоствительный. Вѣкъ Чехова — сперва вѣкъ мира, потомъ — пораженія. Эпоха Державина — созидательная, гар-моническая при всей своей многогласи-и. Чеховская пора — пора кривисовъ, трещинъ, разладовъ. Державинъ строитъ, Чеховъ созерцаетъ распады.

Державинъ умеръ сто тринадцать лѣтъ-тому назадъ, Чеховъ — всего только двад-цать пять, какъ будто вовсе недавно. Но столько за эти двадцать пять лѣтъ совер-шилось, мы столько пережили, мы такое выжили, что невозможно спрашивать себя: да неужели же только двадцать пять лѣтъ? Такъ далеко отъ насъ отодвинулась чехов-ская пора.

Пра Чеховъ мы умирали. Теперь мы умерли, перешли за границу. Чеховъ

ская пора для насъ то, что болѣзнь для умершаго. Но если намъ суждено вопло-титься вновь (а вѣдь только объ этомъ вся наша молитва, только къ этому — вся на-ша воля), то наше будущее — не «чехов-скія настроенія», а державинское дѣйст-віе. Если Россія дано воскреснуть, то на-фосъ ея ближайшей эпохи, рафосъ наше-го завтра, будетъ созидательный, а не со-зидательный, элическій, а не лирическій, мужественный, а не женственный, — дер-жавинскій, а не чеховскій. Державинъ за-ранѣе долженъ намъ стать ближе Чехова.

Андреевскій сказалъ о Чеховѣ, что онъ «прекрасный писатель своего момента».

Нѣтъ, что-нибудь одно: или Чеховъ пре-красный писатель — и тогда не только своего момента, или же онъ для момента, но ужъ тогда не прекрасный. Исторія не золотитъ пилулы. Прекрасный писате-лей для момента не бываетъ.

Писатель прекрасенъ всегда — или ни-когда. Но въ разные моменты сама «пре-красность» его мѣняется. Если писатель прекрасенъ, то слово его живуче особымъ образомъ: въ разныя времена оно можетъ звучать по разному и разное значить. Вы-растая, человѣкъ мѣняетъ свое понима-ніе одного и того же произведенія. Такъ и діалогъ поколѣній, смѣна другъ друга, въ-одномъ и томъ же писателѣ мычитываютъ разное. Новое время не только требуетъ новыхъ писателей; оно по новому слышитъ старыхъ. Переминаясь во времени, писаніе мѣняетъ дѣйствіе.

Вмѣстѣ съ чеховскою Россіей постепен-но отходитъ въ прошлое тотъ читатель, ко-торый впервые увидалъ въ Чеховѣ пре-

краснаго писателя. Ближе то время, ко-гда Чехову предстоитъ быть прочтеннымъ по-новому. Прекрасныхъ писателей онъ останется, но грядущій, завтрашній чита-тель ужъ не то извлечетъ изъ Чехова, что извлекалъ вчерашній. Разнодушно (а мо-жетъ быть — болѣе, чѣмъ равнодушно), пройдетъ онъ мимо того, что любилъ въ Чеховѣ его отецъ, — и полюбитъ за то, че-го отецъ не замѣчалъ вовсе или замѣчалъ слишкомъ мало.

Самыя раннія произведенія Чехова — разсказы, сценки, діалоги, напечатан-ные въ печальной памяти «Стрѣлахъ». Они приспособлены ко вкусу и пониманію читателя ниже, чѣмъ средняго. Загугав-шій купецъ, модная барышня, опіецы города, конка, кумъ-пожарный и зна-менитая теща — вотъ излюбленные персо-нажи и темъ читателя, для котораго ра-боталъ Антонъ Чеховъ. Читатель все это слышитъ — горько и утомительно, но озна-комиться нужно. Чеховъ работалъ ради грошоваго заработка, но не все здѣсь — только отъ голода и вынужденнаго прино-соболенія. Есть и неразвѣтный, очень низ-кій, еще мальчишескій вкусъ Антоши Че-хонте, который слышалъ въ Чеховѣ. И вотъ, когда послѣ этого станешь читать «настоя-щлаго» Чехова, отъ книги къ книгѣ, то окажется, что литературная исторія Че-ха есть постепенное, трудное освобожденіе отъ Антоши Чехонте съ его темами и при-емами. Этой чисто литературной исторіи (прислѣдуй се въ подробностяхъ была бы любопытная и сложная задача) соот-вѣтствуетъ болѣе глубокая — внутрен-

няя, душевная.

Эта эволюція совершается постепен-но: Чеховъ какъ будто наладываетъ ягикую, но строгую руку на шутовское де-ло Антоши Чехонте:

— Не гримасничай, не крилайся.

И подъ плавающимъ давленіемъ этой за-дони лицо становится все серьезнѣе, что-бы стать, наконецъ, безконечно груст-нымъ.

Вырастая, какъ мастеръ, все дальше от-ходя отъ банальныхъ приѣмовъ и грубыхъ шуточекъ Чехонте, Чеховъ мало по малу притупляетъ острѣе своей насмѣшки. Больше того: сохраняя нѣкоторые приѣмы комическаго стиля, онъ ихъ заполняетъ (особенно въ пьесахъ) некомическимъ державинствомъ. Изъ юмориста Чеховъ ста-вится лирикомъ, продолжаетъ работать на томъ же бытовомъ матеріалѣ.

Совершенствовавъ въ мастерствѣ, Чеховъ одновременно мѣняетъ и внутреннее от-ношеніе къ своимъ персонажамъ. Сперва онъ ихъ показываетъ, какъ пошляковъ, а-томъ — какъ чудачковъ, потомъ какъ обы-кновенныхъ людей, потомъ жалкихъ, по-томъ начинаетъ въ нихъ находить досто-инства и кончаетъ великою въ нихъ лю-бовью.

Они отыскали ему тѣмъ же: чеховская Россія полюбила Чехова, герои аллоди-вали своему автору, — за то, что своею лирикой онъ опраивалъ ихъ существо-ваніе, за то, что въ его любовномъ изобра-женіи они увидѣли себя лучше, красивѣе, и то что ихъ показывали и приласка-вали въ гоголевскія времена ихъ только и дѣлали, что бичевали. Тамъ, гдѣ Го-голь увидалъ «свинья рыла», Чеховъ на-шелъ усталыхъ, больныхъ, грустныхъ чело-вѣческихъ лица. Тѣхъ, кого Гоголь прокла-мъ Чеховъ приласкалъ, Гоголь требовалъ

станете другими, не то придется реинзоръ — и погубите! Чеховъ утѣшилъ: ну, даъ ужъ вамъ стать другими, да вы вода и такъ хороши; вотъ, лѣтъ черезъ 200-300 жизнь на землѣ станетъ прекрасна — и вы отдохнете.

«Пришло намъ спасать нашу Россію!»
Но Годовъ вопилъ въ пустынь.

— Лѣтъ черезъ двѣсти - триста все само образуется, — утѣшалъ Чеховъ, а люди тѣснились къ нему толпой. А земля подъ ними уже готова была колыхнуться.

Какъ разъ передъ первымъ толчкомъ Чеховъ умеръ.

Жизнь на русской землѣ не скоро станетъ прекрасна. Но заграничные русскіе люди будутъ знать твердо, что приблизить «доброе новое время» зависитъ отъ нихъ самихъ, что его надо не ждать, а творить, не призывать, а создавать, не прииспосылать, а дѣлать. Такъ бываетъ всегда въ творческія эпохи.

Лирика Чехова этимъ людямъ станетъ въ лучшемъ случаѣ чужда, въ худшемъ — досадна, враждебна. Изъ того бы ни состояла будущая Россія — изъ чеховскихъ героев она состоять не будетъ. Въ жизни они явятся развѣ только большими исключениями, въ литературѣ ихъ разлюбятъ, потому что перестанутъ понимать. Въ прекрасномъ писателѣ Чеховѣ будутъ мы — читать не ихъ, а нечто совсѣмъ иное.

Эпоха — лишь сцена, герои, — лишь маски, надѣленные характеристическими свойствами. Содержание пьесы не въ декорацияхъ и не въ самихъ герояхъ, какъ тано — вать. И то, и другое можно мѣнять, не на руша замысла. (Условныя, постоянныя маски итальянской комедіи для того и бы

ли придуманы, чтобы подчеркнуть несущественность индивидуальныхъ отличій у персонажей). Содержание — въ жизненныхъ соотношеніяхъ, въ коллизіяхъ, въ выходящихъ между героями. Не сами дѣйствующие лица, но то, что лежитъ между ними — ихъ столкновенія, сдѣленія, отношенія и открывающіяся за всѣмъ этимъ жизненнымъ перспективныя, вотъ что составляетъ истинное содержаніе литературнаго произведенія.

Славу Чехова создать его лирикамъ. Но будущій читатель, пройдя мимо лирики чеховскихъ персонажей, сошедшая съ нихъ эту условную, временную примѣту, будетъ читать иное: не лирику, но то, что лежитъ подъ нею, глубже ея. И тогда онъ увидитъ, что сѣрые, бездѣятельные персонажи Чехова зарисованы тою же лирической энергіей жизни, какъ и подлинныя лицом; окажется, что ихъ столкновенія, сдѣленія Чеховымъ къ простѣйшимъ сюжетнымъ постройкамъ, открываютъ гораздо болѣе значительныя и трагическія перспективы, нежели «тоска», которую въ нихъ вычитывалъ прежній читатель.

Читатель будущій, отбрасывая и отвергнувъ неуживую ему лирику Чехова, найдеть подъ ней подлинный, первоначальный двигатель чеховскаго творчества — эпоху. Подъ упалочными «настроеніями», созданными не столько самимъ Чеховымъ, сколько чеховщиной, онъ найдетъ болѣе жизненную философію, самозванкивающую насъ ослѣпато эпоху, потому что эпоха по своей природѣ своей всегда жанрѣ, хотя бы даже матеріалъ, изъ котораго онъ возсозданъ, былъ мертвъ. Мертвенные герои Чехова будущему читателю будутъ повѣствовать о жизни.

Владимиръ Ходасевичъ